

Люди города

Алексей Горшенин

И ВЕЧНАЯ ЛЮБОВЬ...

(К 70-летию Нелли Закусиной)

Наверное, только в моменты юбилейных да скорбных дат начинаешь особо остро осознавать, как быстротечно время. Кажется, буквально вчера случилось то или это в твоей жизни, а, оказывается, минула уже целая вечность! Давно ли погожим весенним днем шагал я в редакцию «Сибирских огней», чтобы взять по заданию «молодежки» интервью у новосибирской поэтессы Нелли Закусиной, а ведь 35 лет прошло! Ровно столько, сколько было тогда самой Нелли Михайловне.

Я петлял по коридорам огромного здания с колоннами на Красном проспекте (бывшего Совнархоза) в поисках помещения редакции и волновался. Беседовать с живым профессиональным поэтом (а Закусину незадолго до той нашей встречи

приняли в Союз писателей) мне пока не доводилось. Вот, наконец, и «Сибогни», нужный кабинет. Меня встречает молодая, ослепительно красивая (особенно после полутемных коридоров мрачного здания), статная женщина. Что-то неуловимо восточное проступает в разрезе ее зеленоватых глаз, очертаниях скул. Это и есть Нелли Михайловна Закусина, редактор... отдела прозы журнала.

Я представился, напомнил, что мы договаривались о встрече. Да, да, конечно, услышал в ответ. Голос у нее оказался звонче и мелодичней, чем в телефонной трубке. Я сел за стол напротив и начал задавать свои вопросы.

О чем шел разговор? Об НТР и поэзии, о том, как они соотносятся между собой, как вообще эмоциональное и рациональное уживаются в современной литературе.

О научно-технической революции, ее влиянии на различные сферы жизни в семидесятые годы не рассуждал только ленивый. А литература, и поэзия в том числе, была и рупором НТР, и пропагандистом, и художественным ее выразителем в одном флаконе. Так что едва ли стоит удивляться выбранной мною для беседы с лирической поэтессой теме. Но, безусловно, не последнюю роль в этом выборе сыграла и личность самой Закусиной, поскольку и по образованию, и по первой своей профессии к развернувшимся в стране научно-техническим преобразованиям имела она, в отличие от таких гуманитариев, как я, непосредственное отношение.

Приобщаться к таинствам поэзии Нелли Закусина начала рано, хотя поначалу (и довольно долго) шла вроде бы совсем другой дорогой.

Начало ее жизненной судьбы вообще довольно экзотично. Родилась она 1 сентября 1942 года на затерявшейся среди забайкальских сопок станции Могоча в Читинской области. Ее отец, Михаил Алексеевич Закусин, был одним из современных первопроходцев Сибири. Много лет проработал он начальником партии в экспедиции знаменитого изыскателя и писателя Григория Федосеева, который посвятил ему немало страниц в своих книгах, потом и сам возглавлял топографический отряд. На том же геодезическом предприятии работала и мама будущей поэтессы, Анна Николаевна. И когда Михаил Алексеевич уходил в экспедиции, Нелли с матерью сопровождали его. Так что девочке с младенчества пришлось испытывать «прелести» кочевой жизни и осваивать разные виды кочевого транспорта: от собак и оленей до... всего, что летает и плавает. Как вспоминает Нелли Михайловна, «когда шли по тайге, меня крепко привязывали на навьюченную лошадь. Рассказывают, что когда я уставала, просилась: «па-па... на шею...». И он нес меня на плечах. Вообще детство было у меня прекрасное, счастливое... Времена были нелегкие, война, экспедиции... Но я тогда этого не ощущала. Я помню, как меня любили, и это тепло согревает меня всю жизнь».

А школу она оканчивала в Новосибирске. Здесь же Нелли Закусина поступила на архитектурный факультет Новосибирского инженерно-строительного института имени В.В. Куйбышева. Не сказать, что по призванию. Как признавалась она впоследствии, на архитектурный «пошла только потому, что там преподавали историю искусств, историю архитектуры, скульптуру, живопись, рисунок... Все остальное было везде...». Но зато дисциплины, связанные с искусством вызывали у нее восторг.

По окончании вуза молодого специалиста Нелли Закусину «распределяют» в Забайкалье. В Улан-Удэ она в качестве архитектора проектирует промышленные предприятия Бурятии, позже работает литературным сотрудником в журнале «Байкал». Ностальгическим отголоском той поры станет у Нелли Закусиной стихотворный цикл «Байкальские мотивы», стихотворения «Байкальские сонеты», «Поезд надежды», «Утаты»... Впрочем, и Забайкалье, и вообще сибирские просторы — место действия или контекст значительной части стихотворных произведений Закусиной. И для поэтессы, связанной с Сибирью

пуповиной кровного родства, это совершенно естественно.

В 1970 году Нелли Закусина с Бурятией распрощается:

Прощай, Бурятия, прощай.
Твоя задумчивая осень,
Скользнув меж порыжелых сосен,
лица коснулась невзначай...

Ее опять ждал Новосибирск. В Сибирском зональном НИИ экспериментального проектирования архитектор Закусина участвует в разработке планировки и застройки нефтяной столицы Сибири Нижневартовска, поселков Горного Алтая. И параллельно готовит к выпуску свою первую поэтическую книгу «Мой светлый день» (1972).

Стихи Нелли Закусиной писала всегда, сколько себя помнит. И печататься начала очень рано. Она училась в шестом классе, когда в газете Чановского района Новосибирской области появились первые стихотворения тринадцатилетней поэтессы. Пошли следом и другие публикации. А в сентябре 1966 года состоялся поэтический дебют Нелли Закусиной на страницах журнала «Сибирские огни».

Это, конечно, было не единственное издание, знакомившее читателей с ее произведениями (стихи Закусиной широко публиковались в различных сибирских и столичных журналах и альманахах — «Москва», «Молодая гвардия», «Нева», «Уральский следопыт», «Байкал», «Полярная Звезда», «Огни Кузбасса» и др.), но именно с «Сибирскими огнями» в дальнейшем будет связана большая часть ее творческой судьбы.

Количество постепенно переходило в качество. Газетно-журнальные публикации со временем складывались в поэтические сборники, первым из которых как раз и был «Мой светлый день». За ним через четыре года последует «У сентября спокойное лицо» (1976). Они-то и стали «пропуском» Закусиной в Союз писателей. А ко времени нашего знакомства и того памятного интервью Нелли Михайловна уже работала над четвертой книжкой под названием «Свет любви» (1979), которую по выходе подарит мне с автографом: «Алексее Горшенину на долгую службу и дружбу».

К этому моменту, словно бы подтверждая правоту народной мудрости о том, что «гора с горой не сходится, а человек с

человеком...», жизнь снова свела нас с Нелей Михайловной — теперь уже надолго. В начале 1979-го я был принят на работу в «Сибирские огни» редактором отдела прозы, которым заведовала теперь... Закусина. А поскольку отношения у нас в отделе складывались вполне товарищеские, то и смысл дарственной надписи тоже, думаю, предельно ясен и недвусмыслен.

С выходом книги «Свет любви» поэтическое формирование и становление Нелли Закусиной в целом завершилось, как лирик с собственным голосом и «физиономией» она состоялась. А дальше шло уже профессиональное совершенствование и шлифовка мастерства.

Существует расхожее мнение, что биография поэта — в его стихах. А иные стихотворцы так и вовсе, как говаривал один известный критик, «не могут оторваться от титки биографизма». Но это не про Закусину. Да, появлялись и в ее поэтических произведениях далекие отзвуки собственной судьбы, но нигде не найдем мы в них прямых параллелей. Да, ее стихи и поэмы всегда очень личностны, но при этом никогда не автобиографичны. За исключением, пожалуй, нежного акварельного этюда «Как две вишенки дочки...», посвященного родным дочерям поэтессы.

С другой же стороны, полностью отстраниться от личности и судьбы Нелли Закусина тоже не могла, ибо всякий художник, как известно, выражает в окружающем мире прежде всего себя и его через себя. Особенно в начальную пору творческого созревания. Потому и отдавала Закусина естественную поэтическую дань всему тому наиболее для нее важному и существенному, чем она жила. А жила поэтесса, дитя военного поколения, чье человеческое, гражданское и профессиональное становление (архитектурное и литературное) пришлось на годы бурных социально-технических преобразований в стране, делами и проблемами своего одновременно рационального и эмоционального (романтического) времени. Стало быть, не могла остаться у нее «за кадром», скажем, архитектурная юность, которая нашла отражение в поэме «Стены», или освоение Нефтяного Приобья, в котором она принимала хотя бы и косвенное участие, что «аукнулось» у Закусиной в стихах о Самотлоре, о Нижневартовске.

Но вот что интересно. Даже возвращаясь памятью к конкретным реалиям своего бытия, Закусина не восстанавливает, не

реконструирует, а пересоздает их согласно собственному поэтическому видению, благодаря чему находит и новые повороты знакомых тем, и свежие образы. Как происходит это, например, в стихотворении «Детство», юная героиня которого в стремлении узнать «истину — связь между небом и водой» «ведро упрямо опускала, // цепь до предела распустив». А «достав ведро — звезду искала, // чтоб из воды ее спасти». Да и сами ее поэтические фантазии оттуда же — из поры первоначальной, когда детское воображение находится как бы в постоянном несогласии с обыденностью:

Ведь в детстве в основном была зима...
Но в лето верилось уже, пожалуй, в марте,
Когда открытки рисовала маме
В цветках, каких не видела сама.

Еще стелился белый-белый дым
Из белых изб,
Лохматых от мороза...

На станции гудели паровозы,
И небо было чистым.
Голубым.

И вот эта особенность детской фантазии рисовать цветки, «каких не видела сама» в Нелли Закусиной осталась на всю жизнь. И едва ли не любая ее поэтическая вещь может служить тому подтверждением.

Назвав одну из книг «Свет любви», Нелли Закусина, может быть, даже того и не подозревая, совершенно точно выразила главную и всеобъемлющую суть своего творчества, которое при всем многообразии (стихи для взрослых и детей, поэмы, переводы), можно оконтурировать одним очень емким понятием — любовь. Именно любовь является стержнем и вектором, нервом и источником духовной энергии поэзии Закусиной, именно в любви видит поэтесса главный смысл существования.

Пока люблю — живу.
Волнуюсь, открывая,
еще одну главу
той книги,
где живая
и каждая строка,
и даже запятая,
и где, наверняка,
я вечно молодая.

Неугасимым свечением любви отмечено все, о чем бы ни писала поэтесса. Даже

произведения, казалось бы, далекие от интимной сферы. Как, например, стихотворение «Небо над Нижневартовском».

Поэтесса приезжает в город нефтяников, который она, будучи архитектором «когда-то рисовала, как пеленала», и видит его уже не в чертежах, а воочию. Подобно молодой матери, совсем недавно разрешившейся первенцем, которой в первый раз принесли младенца после родов, любовно и пытливо всматривается она в его черты, пытаюсь понять, насколько он ей удался:

Ну, здравствуй, мой ребенок,
Мой законный,
Мой долгожданный!
Как ты неказист...
Мой невеликий город,
рожденный, но воспитанный не мной.

Не все в нем соответствует задуманному. Он пока еще «гадкий утенок», но в нем уже угадывается та лебединая статья, которое когда-то рисовало воображение его родительнице за кульманом. «И я тобой довольна», — с истинно материнской любовью говорит поэтесса, желая своему знаменитому сыну, чтоб был он «краше, ярче».

Что касается традиционных и вечных мотивов мировой лирики, основанных на интимных отношениях мужчины и женщины, то в поэзии Нелли Закусиной они звучат широко, многоголосо. И поэтесса не боится, что уже все сказано, все спето о любви. Знать — нет, убеждена она, если новые и новые потомки Вергилия отважно продолжают «как вечный двигатель, любовь изобретать». Потому, что, резонно замечает Закузина, «сколько б ни писали о любви, все будет каждый раз неповторимо». А «неповторимо», по ее же мнению, оттого, что «душа в движении», и задача поэта — запечатлеть сие движение в тот или иной его момент. Именно такими вот остановленными мгновениями бесконечного и причудливого движения души лирические произведения Нелли Закусиной и предстают читателю.

Однако «остановить мгновение» — еще полдела. Надо дать почувствовать, что оно действительно неповторимо. Закусиной это удается. С обнаженной искренностью и высоким драматическим накалом пишет она о «несожженной боли», о том, что «сердцу женскому не скрыть любовь и муку», или же о том, как тяжело «любить в

другом тебя, в тебе любить другого», а, значит, «не разойтись в любви, с любовью разойдись»...

Удается еще и потому, что у нее (я уже отмечал, но с удовольствием повторюсь) собственный, хорошо поставленный поэтический голос, своя характерная лирическая интонация. Ее стихи отличают тонкие чувственные оттенки. Слух поэтессы настолько обострен, что способен улавливать даже «тень звука». Музыканты назвали бы такой слух абсолютным. Наверное, поэтому стихи Закусиной отличаются мелодичностью, а многие из них просто напевны. Не случайно к ее творчеству охотно обращаются композиторы. На слова Закусиной писали песни Никита Богословский, Петр Ладыженский, Александр Тарараев... Не лишне, наверное, сказать и о том, что стихи Закусиной не страдают метафорической или образной усложненностью, вычурностью ритмического рисунка. С одной стороны, все это делает поэзию Нелли Закусиной демократичной, доступной самому широкому кругу читателей, которому она вправе сказать «я постоянно помню о тебе», а с другой — помогает поэтессе ярче, глубже и полнее раскрывать главный предмет ее творческого исследования — женщину.

А женское начало безраздельно властвует в ее стихотворениях. Но, в отличие от многих своих эмансипированных коллег, которых, как быка красная тряпка, раздражает уже то, что их называют поэтессами и причисляют к так называемой «женской поэзии», Нелли Закузина несколько не комплексует по этому поводу. Напротив — гордо подчеркивает истинно женскую сущность своей лирической героини:

Я — женщина. И мой полет всегда
так прост: от дальней ветки до гнезда.
Вдруг задержалась — встретила зарю.
Вдруг показалось — и сама горю!
Вдруг ветер подхватил и покачал.
Вдруг оказалось — за море умчал....
Я — женщина. И мой полет так прост:
от тихого гнезда
до дальних звезд.

Впрочем, женственность в лирической героине Закусиной не исключает и других качеств — душевной силы и стойкости, например, помогающих сохранить себя и быть счастливым человеком:

Меня нельзя сломать —
я не цветок пугливый.

И растоптать нельзя — я не весенний снег.
Мне очень больно,
но
я все-таки счастливый,
по сути по своей счастливый человек.

Нелегкое это, правда, счастье. Лирической героине приходится его то и дело отстаивать: от безжалостных подчас обстоятельств, от больно ранящей несправедливости, а, главное, от посягательств тех, кому поперек горла цветущий «сад любви», для кого чужое счастье хуже соли на рану.

Вину — на сердце.
А любовь — куда?
Любовь всегда
пред всеми виновата.
За то, что возникает без набата.
За то, что исчезает без следа...

Ах, в чем же виноваты двое могут быть,
отважившиеся полюбить друг в друге
глаза и голос,
душу, губы, руки...
Куда б спокойней вовсе не любить!
Тогда б для всех
был каждый объясним...

Вину — на сердце.
А любовь — куда?
То рано вдруг пришла,
а то вдруг слишком поздно...
Смотрите,
вон опять на небе звездном
возникла виноватая звезда!

Она, «виноватая звезда», и стала своеобразным лирическим символом творчества Нелли Закусиной.

Все пространство мира пропущено в стихах Закусиной через взгляд любящей женщины. В то же время поэтесса убеждена, что любовь, как бы в унисон ни бились сердца, не должна быть однополюсной. Каждый из любящих должен оставаться самим собой, чтобы не оказаться в положении героев «Баллады о крыльях», которым судьба «на двоих подарила два правых крыла» и которые теперь вынуждены летать по замкнутому кругу.

Любовь у Закусиной не ограничивается взаимоотношениями мужчины и женщины. Это чувство у нее часто шире сугубо интимных ощущений и переживаний и в ряде стихотворений обретает уже обобщающий лирико-философский смысл. Во всяком случае, убеждена поэтесса, без

животворящего чувства любви, как без солнечных лучей, вообще все сущее на земле немислимо:

Останься в доме моем,
свет любви!
Останься,
раз ты посетил мой дом.
И я поделюсь с другими людьми
своею щедростью и теплом...

Останься ради детей моих!
Останься ради моей земли!
Останься, чтоб до миров иных
лучи твои трепетные дошли.

Ведь только тогда будет Домом —
дом.
И Жизнью — жизнь.
И люди — Людьюми.
Останься в доме и сердце моем,
и в мире моем, свет любви!

Образ осиянного теплым животворным светом любви родного Дома для Нелли Закусиной принципиально важен. Он вообще, надо сказать, был очень популярен у поэтов ее поколения. В качестве некой лирико-философской субстанции его можно встретить, к примеру, в стихах Геннадия Карпунина или Виктора Крещика. А в поэзии Александра Плитченко он и вовсе становится и стержневым и знаковым. Присутствует образ этот и у Закусиной в тех или иных вариациях. Иной раз весьма неожиданных. Вот как, например, изящно-оригинально обыгрывает поэтесса известную русскую поговорку «Каждый кулик свое болото хвалит»:

Хвали свое болото, куличок!
Отстаивая свое святое право
любить
тростник пожухлый и корявый,
речонки мелководной тупичок!

В нем ночью отражается звезда,
теснятся диковатые кувшинки,
поют под ветром тонко камышинки,
зеленовато стелется вода...

Хвали свое болото, куличок!
И пусть в ответ насмешливому свисту
твой неподкупный остренький зрачок
просвечивает в заводи тенистой.
Храни свое болотце, куличок!

Автор стихотворения не просто оспаривает иронический смысл поговорки, но

и таким вот своеобразным способом внушает читателям, что «свое болотце», т. е. родной дом, «малую родину», без которой нет и Родины большой, — любить не только не зазорно, но необходимо несмотря ни на что. Даже на все ее боли горести и беды.

А их поэтесса ощущает очень остро и принимает чрезвычайно близко к сердцу. Правда, при этом не сбивается, как многие ее коллеги, на риторичку и публицистичность. Встречающиеся в стихах Закусиной социальные мотивы не довлеют, не «бьют по ушам», а как бы растворяются в лирических волнах.

Видим ли мы, что свеча золотая
у изголовья
гаснет.
И плачет глазница пустая
чистою кровью...

Я думаю, что такого рода образно-поэтическая картина нашего покалеченного бытия окажет на читателя куда более сильное эмоциональное воздействие, нежели просто громохание гневными словесами.

Светом любви пронизана у Нелли Закусиной не только стихотворная лирика. В этом мощном энергетическом поле находятся и ее поэмы.

Первая из них «У сентября спокойное лицо» появилась в журнале «Сибирские огни» в 1975 году и как бы задала тональность остальным пяти, ибо в каждой из поэм Закусиной идет трудное, но животворное постижение истинной сути высокого любовного чувства и собственного с ним соответствия.

Поэма «Багульник» посвящена духовному становлению и созреванию молодой женщины. Преодолевая ошибки, разочарования, падения, она ищет свое место в жизни и любовь. В процессе этих поисков к лирической героине приходит понимание того, «что в жизни — // высший дар — любить, //, дарить любовь, // другим ее нести...» Но «Багульник» — это еще и поэма о том, насколько важно понимать друг друга: только полное взаимопонимание, душевное «соучастие» открывает путь к настоящей любви.

А ты не помогла ему понять
И объяснить.
Ну, что ж,
так, видно, легче —
взвалит непонимание на плечи
других...

Любовный кровоток пульсирует и в

плоти поэмы «Стены». Но уже в несколько ином направлении. Автор задумывается над тем, как соотносятся в нашей жизни любовь и творческий труд, любовь и красота. Рассказывается в поэме о зодчих второй половины двадцатого столетия, но поэтесса то и дело обращает свой взор в далекое прошлое. Ей важно знать, в чем секрет древних мастеров, почему их творения переживают эпохи? А знание это необходимо, чтобы также крепко, на века, строить наше настоящее, дабы добрым эхом отозвалось оно в будущем. Однако на поверку никакого особого «секрета состава немеркнувшей краски» нет. Все очень просто, если горит в душе огонь любви к делу своему, родине и людям, во благо которых мастер созидает:

А мастер секрет не скрывал.
Те краски Россия дарила:
из сердца он киноварь брал,
из слез ее ультрамарины.

А охру — так прямо из рук
натруженных, в желтых мозолях.
И свет появился не вдруг —
от света в душе
и от боли.

Но чтобы не прервалась связь времен, надо сохранять и приумножать Красоту, уверена лирическая героиня поэмы (несомненно, что это и позиция автора). Красота одухотворяет даже мертвый камень, и счастлив творец, сумевший по-своему ее выразить. Красоту создают не боги — люди, у которых большое сердце, говорит поэтесса, и для которых нет выше счастья, чем «работа, утверждающая жизнь». А такая работа, убеждена она, найдется везде и каждому: «Ведь можно так слова сказать — душа займется... И так колоть дрова, что воздух засмеется!»

Собственно, и сама Закузина тем прежде всего как поэтесса и привлекательна, что ей удается всякий раз «так слова сказать», что они становятся близки и интересны ее читателям, ценителям настоящей поэтической работы.

Мысль о связи времен и поколений, отцов и детей, бьется и в поэме «Верни себя», также посвященной нравственным поискам молодых современников. Вглядываясь в них, поэтесса пытается понять, какковы они на самом деле и как им стать настоящими людьми. Она отмечает их инфантилизм, преждевременную усталость не

успевших укрепить натур, жизненную апатию. Все чаще вместо человека видит героиня поэмы лишь его отражение, которое страшит ее своей бескрылостью и пустотой. И невольно сравнивает свое поколение, не способное к подвигу, с героическим поколением отцов, которые в огне кровавой войны ценою собственных жизней прокладывали путь к спокойной стабильной жизни детям и внукам. За каждым из этих поколений остается такой разный след: «Твой легкий след. // И вечный след его».

Для героини поэмы «Верни себя» поколение отцов — духовный ориентир и высочайшая нравственная планка, до которой не дотянуться ее молодым современникам. Поэтому, выбирая достойного возлюбленного, «в мужчинах поколенья моего» невольно искала она лучшие черты и качества мужчин того, другого поколения — «величайшего поколения величайшей силы духа» (А. Плетнев).

При этом вряд ли приходится говорить о конфликте поколений. Сорокалетние ребята хоть и переросли отцов, но «всё у них совета просят». Дело же, считает автор поэмы, в самих преемниках.

Мы у отцов своих защиты ищем...
Они ж геройством яростным своим
На много сотен лет
Нас будут выше.
И мы никак до них не долетим.

И женская моя — надежда — птица
Крылом хлестнула больно по лицу.
Необходимо мне тобой гордиться.
А я сквозь годы кланяюсь Отцу.

С другой стороны, не все так грустно. Героиня поэмы «Верни себя» прекрасно видит и осознает слабости своих сверстников. Но главное — чувствует и свою ответственность. Во всяком случае, в любви («Любимой стать твоей — ответственность моя»), в поисках которой ни на минуту не забывает о ее перспективе и последствиях:

Чтоб щедрый урожай
Отмерить полной мерой.
Как истина, он прост —
Любви моей устав...
Любимой стать твоей?
Кого ж, ответь мне, миру
Смогу я подарить,
Твоей любимой став?..

Задавая этот вопрос, героиня поэмы полнится надеждой, что далеко не все потеряно для ее поколения, у которого остаются шансы «вернуть себя».

В 1987 году, предваряя сборник избранных стихотворений Нелли Закусиной в «Библиотеке сибирской поэзии», Анатолий Никульков по поводу этого произведения писал: «В наши дни... горячая актуальность поэмы «Верни себя» еще более возрастает. В каждом поколении немало носителей психологии равнодушия, консерватизма, эгоистических устремлений, с которыми приходится... всему обществу вести напряженную и нелегкую борьбу»¹. Прошло с тех пор еще четверть века, и можно констатировать, что актуальность поэмы нисколько не снизилась, и в основных своих моментах она по-прежнему современна.

Несколько особняком стоит у Закусиной поэма «Липа вековая». Хотя и звучит в ней знакомый, вроде бы любовный мотив. Однако вполне реалистическая история женщины, до конца дней своих ждущей не вернувшегося с войны возлюбленного, превращается здесь в трагическую притчу о верной, но не успевшей расцвести и дать плоды любви. Ну а сама поэма обретает глубоко символический и философский смысл. Великая любовь верно любящей женщины «светлым факелом» проходит сквозь века и эпохи, через поля самых страшных сражений. И делает всех павших за правое дело бессмертными и непобедимыми.

Погиб он в первую из войн,
что по земле прошла.
И стал затем бессмертным он,
что б ты его ждала.
Что б вечной женщиной любим,
он, в каждую из войн
смог снова встать. Непобедим
и мертвый, и живой.

Есть вечный путь,
куда б ни шел,
коль вечный слышишь зов.
Есть память вечная и долг.
Есть вечная любовь!

Гимном такой — «вечной» — любви к любимым людям, Родине, долгу, всему живому на земле и стала поэма Нелли Закусиной «Липа вековая». Почему поэте-

¹ Анатолий Никульков. Поэтический мир Нелли Закусиной. // Нелли Закузина. Стихотворения. (Библиотека Сибирской поэзии). — Новосибирск, 1987.

са ее так назвала? Потому что увидела в липе «Дерево России» — «символ одиночества и силы // женской неразгаданной души».

Стихи для детей — еще одна сторона поэтического дарования Нелли Закусиной. О детях и для детей она пишет практически всю свою творческую жизнь. Первая «детская» подборка Закусиной была напечатана в «Сибирских огнях» еще в 1969 году. Всего же поэтесса издала для детей три книжки: «Непослушная кукла» (1977), «Мой город золотой» (1983) и «Четыре времени счастья» (2007).

Перечитывая «детские» стихи Закусиной, обращаешь внимание на то, как тонко понимает и чувствует она своих маленьких читателей. Она обладает редким, но столь необходимым для детского писателя даром быть своим в мире ребенка. На окружающий мир поэтессе удается взглянуть глазами юного неопита-первооткрывателя, передать его особенное, отличное от нашего, взрослого, мировосприятие. Отсюда, например, такое чисто ребячье ощущение пришедшей весны: «На лапах кошачьих весна наступала». Кажется, что именно детским воображением нарисована и эта вот очень зримая и запоминающаяся картина зимней ночи:

На заснеженной постели
Спят капризные метели,
Спят ворчливые бураны,
Спрятав варежки в карманы.

Впрочем, ничего особенно удивительного тут нет. С «заповедным краем детства» у Закусиной всегда была тесная связь. И не только потому, что у нее самой две дочери, внук и внучка. Много лет, включая тяжелейшие девяностые, Нелли Михайловна вела в домах детского творчества и школах Новосибирска литературные кружки, студии и уроки эстетического воспитания. По ее приглашению я и сам не раз принимал в них участие и могу засвидетельствовать, насколько захватывающе интересно они проходили. Бог дал Нелли Михайловне не только литературный, но и педагогический талант.

Как и вся поэзия Закусиной, «детские» ее страницы буквально пронизаны светом и теплой любви. И учат тоже — любви: к родной земле и природе, к людям и «братьям нашим меньшим» — ко всему, в общем, тому, что зовется жизнью. Юный читатель, несомненно, извлечет из адресован-

ных ему стихов определенные нравственные уроки. Но пересола назидательности при этом не почувствует, потому что мера и вкус у автора абсолютны.

Значительную часть творчества Закусиной составляют переводы. Работая в «Сибирских огнях», не соблазнить переводом, наверное, было просто невозможно. Еще со времен Владимира Зазубрина вокруг журнала сложилась сильная переводческая школа, и заниматься переводами здесь (особенно при главных редакторах Смердове и Никулькове, во времена которых и входила в литературу Закулина), было повальным увлечением, чуть ли не в соревнование подчас превращавшееся.

Переводила Нелли Михайловна мастеров слова разных стран и народов. Благодаря ей сибирский читатель познакомился с рядом интересных венгерских, болгарских, сербских поэтов. Но больше всего преуспела она в переводах национальных сибирских авторов (Леонид Лапцуй, Иван Юганцелика, Дондок Улзытуев и др.), среди которых не только поэты, но и прозаики (например, бурят Барадий Мунгонов с романом «Щедрое сердце»). И это закономерно, если учесть, что культуры малых народов Сибири для Закусиной не были чем-то туманным, экзотическим, а долгое время являлись частью естественной среды ее обитания (достаточно вспомнить, что только в Бурятии прожила она несколько лет).

Художественный перевод — искусство очень тонкое и сложное. Его главная задача — сохранив языковые, поэтические и национальные особенности оригинала, сделать его достоянием той языковой культуры, на которую произведение переводится. И то, что с этой задачей Нелли Закулина, безусловно, справляется, ее переводы как раз и свидетельствуют.

Замечательным образчиком переводческого искусства Нелли Закусиной может служить ее перевод сонетов якутского поэта Ивана Гоголева, посвященных самому близкому на свете человеку — матери. Образ ее вылеплен в сонетах выпукло, зримо, осязаемо. Он живой, теплый, запоминающийся. Он осиян великой любовью, и силу материнской любви автор сравнивает с мифической «богатырь-травой». Образ матери у Гоголева настолько же конкретный, земной, насколько и символический, являющий собой начало всех начал. Эту вдохновенную поэтическую песню о матери, сложенную Иваном Гоголевым на род-

ном языке, Закусиной удалось прекрасно донести до русского читателя, точно передав мысли и чувства автора, национальный дух и колорит.

Творчество Закусиной — один из источников, питающих полноводную реку современной сибирской поэзии. Но вспоминается вдруг стихотворение «Из окна вертолета. Север». Лирическая героиня наблюдает из окошка вертолета следующую картину. Кружит-петляет по тундре речка. Вот-вот сольется с могучим Енисеем. Но она... «не хочет Енисеем становиться», а потому «готова к бою в последний миг». Весьма символическая эта картинка вполне приложима и к ее автору. Внеся за десятилетия творческой работы заметный вклад в русскую поэзию Сибири, Нелли Закурина не затерялась, не растворилась в ее волнах. Она и сегодня — художник с «лица необщим выраженья», с неповторимой творческой индивидуальностью. Что подтверждено, в том числе, и такими престижными литературными премиями, как премии имени Н.Г. Гарина-Михайловского и имени В.Я. Зазубрина, лауреатами

которых Нелли Закурина становилась в 2000 и 20004-м годах.

Когда-то, еще в конце семидесятых, в стихотворении «Серебрянка» Нелли Закурина с робкой надеждой предполагала:

И все-таки мы в чем-нибудь останемся.
Хотя бы серебрянкою в золе.

И вот теперь, спустя три десятилетия, уже можно с безусловной уверенностью утверждать, что поэзия Нелли Закусиной обязательно останется и за порогом дня нынешнего. Более того, смею полагать, что и не скоромной «серебрянкою» в золе литературного костра она в грядущем блеснет, а засверкает, говоря словами другой прекрасной сибирской поэтессы Елизаветы Стюарт, «чистым золотом каждой строки».

Впрочем, о каком пороге речь? Ведь поэтесса Закурина по-прежнему в пути, в движенье, отодвигающем горизонты. Нелли Михайловна продолжает свою поэтическую песнь. И нам, ее читателям и почитателям, остается пожелать, чтобы не было этой замечательной песне конца...